

ИСТОРИЯ ПРОВЕДЕНИЯ РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

© 2011 М. В. Дьяконов

научный сотрудник

e-mail: max.dyakonoff@yandex.ru

Курский государственный областной музей археологии

В статье рассмотрены проблемы комплектования российской армии на основе рекрутской повинности в середине XIX столетия. Основное внимание уделено анализу государственного регулирования рекрутских наборов, особенностям и основным проблемам их проведения, попыткам модернизации рекрутской системы.

Ключевые слова: российская армия в 1830–1860 гг., рекрутская повинность, Курская губерния.

Рекрутская повинность являлась одной из важнейших государственных повинностей в Российской империи, обеспечивая комплектование вооруженных сил в XVIII–XIX столетиях. Период 1830–1860 гг. имел большое значение для ее развития, поскольку в это время, с одной стороны, происходило окончательное законодательное упорядочивание и оформление рекрутчины в довольно стройную систему, а с другой – попытки модернизации после поражения рекрутской армии в Крымской войне с последующей заменой на всеобщую воинскую повинность.

Важнейшим достижением рекрутской системы явился Рекрутский устав 1831 г. – по сути, первый свод правил, регулирующих все стороны отбывания рекрутской повинности со времен Генерального учреждения о наборе рекрутов 1766 г. (попытки составления такого устава предпринимались еще в начале XIX века, но существенных изменений в рекрутских наборах тогда не произошло). Вполне возможно, что на составление Рекрутского устава повлияли неудачная попытка внедрения военных поселений и последняя война с Турцией¹. Устав систематизировал основные организационные принципы отбывания рекрутской повинности и оставался главным документом, по которому происходило комплектование армии, вплоть до 1874 г.

По Рекрутскому уставу, поставлять рекрутов должны были те сословия, которые платили подушную подать или ей соответствующую, а именно: «мещане, казенные крестьяне разных наименований, крестьяне удельные, крестьяне помещичьи, свободные хлебопашцы и другие, досель рекрутству подлежавшие»².

Непосредственно набирали в солдаты специальные органы – постоянное губернское рекрутское присутствие и создаваемые в каждой губернии на время набора уездные рекрутские присутствия, в состав которых входили гражданские и медицинские чиновники, военные и представители местного дворянства.

Рекрутский устав предусматривал серьезные наказания для членов рекрутских присутствий за небрежное выполнение своих обязанностей. Так, за прием в рекруты лица, оказавшегося младше или старше призывного возраста, полагался штраф с председателя и всех членов присутствия в размере 500 рублей, такой же штраф – за прием в рекруты лица с явными видимыми недостатками и дефектами (малый рост, хромота, беззубость и другие)³.

Рекруты, набранные в уездных рекрутских присутствиях, в сопровождении полицейских чиновников отдельными партиями отправлялись в Курск. На пути в губернский центр иногда имели место злоупотребления. Так, в 1843 г. Палата государственных имуществ рассматривала жалобу на заседателя по полицейской части Верхосеймского волостного правления Тимского уезда Картамышева. В жалобе указывалось, что Картамышев, сопровождая в 1840 г. рекрутов в Курск, брал у некоторых из них деньги и отпускал их с дороги домой. Картамышев в этом, естественно, не сознался, трое рекрутов, которых он якобы отпускал, – тоже, свидетели, на которых ссылались в жалобе, не подтвердили этот факт. Но следствие все же установило, что трое рекрутов с дороги возвращались и дома были. Они не могли решиться на это «без поущения» Картамышева, поэтому нельзя не подозревать его в лихоимстве. Дело для дальнейшего рассмотрения было передано в Курское губернское правление⁴.

В Курске рекруты находились до отправки их в воинские части, располагаясь в городских слободах. Отношение слободских жителей к таким «квартирантам» можно проследить, например, по прошению поверенного от общества поселян Казацкой слободы о том, чтобы рекрутов, принимаемых по набору 1843 г., расположить в этой слободе. В прошении обращалось внимание на то, что все рекруты размещаются в Ямской слободе, а в Казацкой – нет. Из рассмотрения данного прошения Палатой государственных имуществ видно, что рекруты размещены в Ямской слободе для того, чтобы «следующие обществу за продовольствие их [рекрутов] деньги употребить на пополнение лежащих на нем долгов» (имелись в виду недоимки по различным податям), а жители Казацкой слободы «и без этого пособия имеют довольно средств к обеспечению своего состояния»⁵. Также в 1854 г. Губернский рекрутский комитет отмечал, что жители курских слобод не только не тяготятся размещением у них рекрутов, но и, «получая возможность для сбыта своих сельских произведений, приобретают легчайшие способы к уплате податей». Кроме того, признавалось невозможным размещение рекрутов в здании воинских казарм из-за «крайней тесноты здания», а наем частных помещений потребовал больших расходов – до 5,5 тысяч рублей серебром⁶. Таким образом, существующий порядок вещей устраивал и курских слободских жителей, и губернское правление, и, возможно, самих рекрутов, которые за небольшие деньги получали пищу и крышу над головой.

Несмотря на кажущуюся стройность и организованность системы рекрутских наборов, созданной Рекрутским уставом, она все же имела серьезные недостатки. Например, Палата государственных имуществ на запрос губернатора о причинах задержки проведения рекрутских наборов отвечает, что перед набором нужно было составить очередные и призывные списки в каждой волости (150–250 человек) с подробным описанием возраста, вероисповедания, количества работников в семье, имен, различных жалоб каждого призываемого, записать о нем решение схода, волостного головы и окружного начальника, справляться с ревизскими сказками, метрическим выписками, раздѣлами. Кроме того, эта деятельность не велась в пределах одного округа во всех волостях одновременно – окружной начальник, имея 6–8 волостей, проводил в них работу по очереди, переезжая из одной волости в другую. Естественно, на все это уходило много времени. На всю подготовительную работу палата имела всего четыре месяца – с октября по февраль (включая время самого набора). Неудивительно, что за такой срок не составлялись очередные и призывные списки государственных крестьян Курской губернии во всех волостях, что вело к снижению темпов рекрутских наборов и росту недоимок⁷.

Таким образом, новая организация рекрутских наборов, введенная Рекрутским уставом 1831 года, хоть и значительно упорядочивала организацию наборов, но

оставалась довольно несовершенной. Большое число уездов, с которых собирало рекрутов каждое рекрутское присутствие, а также сжатые сроки набора, бюрократизация и громоздкая организация привели к замедлению темпов комплектования, к задержкам поставок рекрутов в армию, что в период военных действий могло значительно сказаться на боеспособности вооруженных сил, поскольку резервов и запаса в русской армии не было.

Особенностью рекрутской системы в XVIII – начале XIX века являлось то, что правительство особо не вмешивалось в процесс выбора обществами рекрутов и предписывало приемщикам принимать в рекруты «кого отдатчики в отдачу объявят и поставят». К сельским и городским обществам лишь предъявлялось требование о поставке определенного числа рекрутов, а кого отправлять на службу – решали сами общества. Вследствие этого на протяжении XVIII и первой четверти XIX столетий податное население самостоятельно выработало основания для раскладки рекрутской повинности, которые наиболее правильно отвечали его быту и взглядам.

При выборе рекрутов главное внимание обращалось на то, чтобы сдача их на службу как можно менее расстраивала благосостояние семей, а следовательно, и всего общества. Так как благополучие семьи зависело главным образом от числа рабочих рук, то в рекруты сдавались предпочтительно члены больших семейств, «которые от этого не подвергались такому разорению, к какому неизбежно приводила бы сдача в рекруты лиц, принадлежавших к семьям с небольшим числом работников»⁸. Выработанные на этих основаниях самим народом правила распределения повинности и были узаконены в Рекрутском уставе в виде очередного порядка отбывания повинности.

Очередной порядок заключался в следующем. Все семейства данного рекрутского участка вносились в особые очередные списки по порядку количества состоящих в них работников, которыми считались все лица в возрасте от 18 до 60 лет, способные к труду. Семейства сдавали рекрутов по очереди, начиная с многорабочих, которые стояли в очередном списке первыми. Семьи, имеющие только одного работника (одиночки), освобождались от поставки рекрутов. Семьи, имевшие более четырех работников, были обязаны поставлять второго рекрута ранее, чем очередь доходила до семей, имевших в два раза меньше работников, а семьи, имевшие более семи работников, – ещё и третьего рекрута ранее поставки первого рекрута семьями, имевшими в три раза меньше работников. В ходе одного набора ни одно семейство не обязано было ставить более одного рекрута, а в разные наборы – более трех. Когда очередь обходила все семейства участка, то она начиналась сначала.

Каждая семья, до которой дошла очередь ставить рекрута, должна была выставить физически годное лицо в возрасте 20–35 лет. Если в семье было несколько таких лиц, то предпочтение отдавалось холостым, а из них – старшим по возрасту; если все женатые, то в рекруты брались прежде всего бездетные; наконец, когда все были женаты и имели детей, то выбор рекрута определялся волею родителей, добровольным соглашением или жребием.

Вместе с тем очередной порядок имел и ряд недостатков, прежде всего связанных с учетом семей, который был весьма сложен и вызывал множество жалоб. Семейства, записанные в ревизских сказках и очередных списках под одним номером, по закону не имели права делиться иначе, как с разрешения губернских казенных палат.

Основная масса разделов проходила самовольно, и сам факт разделения семейств всплывал только во время рекрутского набора. Неучтенные семейные разделы чаще всего приводили к призыву на службу единственного в семье работника только потому, что он в ревизских сказках числился членом многорабочей семьи. В

документах отложилось множество прошений и жалоб на неправильную отдачу в рекруты как раз в связи с разделом семей.

Недостатком очередного порядка отбывания рекрутской повинности является и призывной возраст, по которому в армию попадали лица в возрасте от 20 до 35 лет, что шло вразрез с желанием правительства иметь в строю более молодых солдат и мешало лицам, не достигшим 35 лет, устраивать свою семейную жизнь.

Неудобства очередной системы побудили правительство выработать иной порядок, при котором выбор рекрутов был бы крайне упрощен и происходил в более раннем возрасте. Такой порядок под названием жеребьевого был введен в 1854 г. для государственных крестьян и мещан⁹.

Теперь ежегодно к жребию призывались лица, достигшие 21 года, заносившиеся в жеребьевые списки. По семейному положению они делились на три разряда: бездомные, бесхозяйные одиночки и члены многорабочих семейств (четыре и более работников); члены семей, имеющих трех работников; члены семей с двумя работниками. Единственные работники в семье освобождались от повинности. К жребию сначала призывался 1-й разряд, в случае надобности – 2-й и 3-й; номер жребия определял, кому идти на службу. Таким образом, жеребьевая система «представляла собой переход к личной повинности с сильно развитыми льготами по семейному положению»¹⁰.

В 60-е гг. крестьянам, освобожденным от крепостной зависимости, было предложено выбрать один из двух порядков отбывания повинности, и они одновременно сосуществовали в разных обществах¹¹. При этом значительное число бывших крепостных крестьян выбрало очередной порядок, считая его более справедливым и честным и более точно соответствующим числу работников в каждой семье.

Серьезным испытанием для рекрутской системы стала Крымская война 1853–1856 гг., выявившая ее наиболее слабые стороны, в первую очередь неспособность быстрого увеличения численности армии для потребностей военного времени. Поскольку при существующей системе комплектования не было возможностей для создания боеспособного запаса вооруженных сил, то увеличение армии происходило за счет возрастания количества призываемых рекрутов и самих наборов (до 3-х в 1854 г.)

За пять рекрутских наборов во время Крымской войны в армию поступило 879 тысяч рекрутов¹². Курская губерния отправила около 23 тысяч человек, что составило 3 % от общего числа призывников¹³.

Но даже усиленных рекрутских наборов было недостаточно, и в 1855 г. издается манифест о сборе государственного подвижного ополчения¹⁴, общая численность которого составила 360 тысяч человек (в Курской губернии – 19 тысяч)¹⁵.

К 1855 г. нехватка молодых людей призывного возраста (21–35 лет) привела к тому, что в период проведения общего набора было разрешено отправлять в армию рекрутов в возрасте 36 и 37 лет¹⁶. К примеру, в Курской губернии было призвано 979 рекрутов от 30 до 37 лет (12,8 % от всего числа). Для сравнения, во время наборов 1840-х гг. в армию в среднем призывалось около 150 рекрутов в возрасте от 30 лет (4–5 %)¹⁷. Увеличение количества возрастных солдат, естественно, снижало боеспособность вооруженных сил (учитывая тот факт, что срок службы составлял 25 лет).

Тяжелое поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. показало, что рекрутская система комплектования вооруженных сил не способна поддерживать боеспособность русской армии, возможность ее на равных противостоять армиям передовых европейских стран. Кроме того, в период подготовки отмены крепостного права остро встал вопрос об отмене рекрутской повинности как одной из тяжелейших для

податного населения Российской империи, прежде всего крестьян и мещан. Таким образом, возникла явная необходимость для проведения военных реформ, которые и начались после назначения на пост военного министра Д. А. Милютин в 1861 г.

Первоочередную задачу по реформированию армии Милютин видел в необходимости введения новой системы комплектования. В 1862 г. по его инициативе при Государственном совете для пересмотра Рекрутского устава 1831 г. была образована особая комиссия под председательством Н.И. Бахтина. Комиссия должна была «указать те меры, которые могли бы быть приняты неотлагательно в отмену существовавших в старом порядке рекрутского набора варварских приемов, усугублявших в глазах народа тягости рекрутства и унижавших самое звание солдата»¹⁸.

Предполагая серьезную модернизацию рекрутской системы, данная комиссия, тем не менее, вносила небольшие изменения, в порядок проведения наборов, первые из которых появились в Манифесте 1862 г. о проведении рекрутского набора после шестилетнего перерыва¹⁹.

В целях облечения сдачи рекрутов рекрутские присутствия открывались в каждом уезде. В состав уездных присутствий вводились представители сословий: мировые посредники и городские головы. Отменялось бритьё лба рекрутов (применялось теперь только к рекрутам, отдаваемым в армию за преступления) и сопровождение их в воинские части в особой, похожей на арестантский халат, одежде. Кроме того, рекрутов стали вводить в рекрутское присутствие не обнаженными, а в сорочке. Податные сословия освобождались от обязательного использования гербовой бумаги в переписке по рекрутским делам, кроме вопросов, касающихся найма рекрутов и покупки зачетных квитанций, что значительно снижало денежные расходы. Во всех семействах следовало освобождать от повинности единственного или старшего сына солдата, «находящегося в военной службе или умершего на оной или уволенного в отставку», если только отец не поступал на службу охотником или за преступления, «лишающие семейства рекрутской послуги». Минимальный рост рекрута устанавливался в 2 аршина 3 вершка вместо прежних 2 аршинов 2 вершков.

В Манифесте о проведении рекрутского набора в 1866 г. единственные сыновья государственных крестьян и крестьянок, вступивших в брак со вдовами или вдовцами с сыновьями от прежних браков, получали те же преимущества, что и единственные сыновья в полной семье. Кроме того, освобождались от повинности старший из малолетних сирот, не имеющих родителей, и единственный сын-работник в семье²⁰.

В 1866 г. мещанские общества получили возможность освобождать от рекрутской повинности временно или навсегда любого призываемого в рекруты мещанина данного участка, признанного приговором общества необходимым для поддержания семейства (если за это выскажутся 2/3 членов общества)²¹. Позже аналогичное право получают участковые и волостные сходы государственных крестьян. В Курской губернии за время проведения набора 1866 г. мещане довольно активно использовали данную возможность. К примеру, мещане Льгова решили освободить от рекрутской повинности Алексея Чеботарева как единственного кормильца в семье, так как его младший брат хоть и имел уже 18 лет, но семейство содержать не мог «по природной неспособности к промыслам и торговле». Это же общество просило освободить мещанина Лариона Самойлова, который хоть и относился к одиночкам (призываемым в первую очередь), но имел недвижимую собственность и крепкое хозяйство. Общество посчитало, что если отдать его в рекруты, то хозяйство без присмотра и управления придет в упадок. Поэтому следует освободить Самойлова от призыва для поддержания хозяйства, а также учитывая его добропорядочное поведение²².

К 1870-м годам эта практика получила такое широкое распространение, что в Манифест о проведении рекрутского набора в 1874 г. был включен пункт, по которому мировые посредники наделялись правом приостанавливать неправильные, на их взгляд, приговоры участковых и волостных сходов об освобождении от повинности. В том же году Министерство финансов уведомляло губернские казенные палаты, в том числе и курскую, о том, что «некоторые казенные палаты не обращают должного внимания на злоупотребления мещанских обществ дарованным им правом освобождать от рекрутства некоторых лиц для поддержания их семейств»²³. Курская казенная палата должна была немедленно рассматривать все жалобы, связанные с этими процессами, и в случае выявления ошибок и злоупотреблений доводить сведения до губернатора.

Происходит также и сокращение срока военной службы: в 1868 г. он составил десять лет действительной службы и пять лет в отпуске (то есть в запасе) для тех, кто отбывал повинность после 1859 г.; принятые в армию до 1859 г. после 13 лет службы получали право на семилетний бессрочный отпуск.

Все эти меры, конечно, облегчали процесс отбывания рекрутской повинности для податного населения, но не изменяли основных принципов рекрутчины, которая продолжала оставаться отсталой формой комплектования вооруженных сил, по сравнению с ведущими европейскими странами. Необходимость коренных реформ стала очевидна в 1870–1871 гг., когда в ходе Франко-прусской войны Пруссия провела стремительную мобилизацию своей армии, комплектуемой на основе всеобщей повинности. С этого времени начинается работа по изменению рекрутчины, которая заканчивается введением всеобщей воинской повинности в 1874 г.

В общем итоге, несмотря на кажущуюся стройность и системность, установленную Рекрутским уставом 1831 г., рекрутская система комплектования армии уже к середине XIX столетия стала устаревать и не могла обеспечивать армию нужным количеством обученных солдат, особенно в военное время, что и показала Крымская война. Попытки модернизации рекрутчины, предпринятые в пореформенный период, не смогли поставить вооруженные силы Российской империи на один уровень с ведущими европейскими державами, и в конце концов рекрутская повинность была заменена более современной всеобщей воинской повинностью.

¹ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в.: Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 76–77.

² Свод уставов о повинностях рекрутской и земских. СПб., 1832. С. 1.

³ Там же. С. 124–125.

⁴ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 153. Оп. 1. Д. 94. Л. 67–67 об.

⁵ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 1079. Л. 190.

⁶ Там же. Д. 1370. Л. 65–65 об.

⁷ ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 94. Л. 130–131 об.

⁸ Комплектование и устройство вооруженной силы / сост. А. Редигер. СПб., 1900. С. 88.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXIX. Отд. 1. СПб, 1855. С. 568–597.

¹⁰ Комплектование и устройство вооруженной силы. С. 89.

¹¹ ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 151. Л. 998.

¹² Бескровный Л. Г. Ук. соч. С. 78–79.

¹³ Дьяконов М. В. Комплектование русской армии в период Крымской войны (на примере Курской губернии) // Белгородский диалог – 2009. Проблемы российской и всеобщей истории: сб. науч. трудов междунар. конф. (г. Белгород, 10 апреля 2009 г.). Белгород, 2009. С. 41–42.

¹⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXX. Отд. 1. СПб., 1856. С. 84–85.

¹⁵ Бескровный Л. Г. Ук. соч. С. 80; История Курской области. Воронеж, 1975. С. 46.

¹⁶ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXX. Отд. 1. СПб., 1856. С. 641.

¹⁷ См.: ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 14; Ф. 128. Оп. 1. Д. 87; Ф. 128. Оп. 1. Д. 202.

¹⁸ Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 82.

¹⁹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. Отд. 1. СПб., 1866. С. 706–710.

²⁰ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XL. Отд. 2. СПб., 1867. С. 52–59.

²¹ Там же. С. 54.

²² ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 2814. Л. 442–442 об., 444–445.

²³ Там же. Д. 4849. Л. 2 об., 62.